

Праворадикальные партии современной Швеции

Е.Г. Болотникова

За последние годы Швеция проделала путь от страны, приводимой в пример как государство, устойчивое к вызовам крайне правого движения, до еще одной страны, где праворадикальная партия триумфально прошла в парламент. По результатам выборов 2010 года праворадикальная партия «Шведские демократы» набрала 5,7% голосов и получила 20 мест в Риксдаге. Этот успех не был неожиданностью, так как опросы общественного мнения показывали, что поддержка «Шведских демократов» среди избирателей постоянно росла, вместе с тем для партийной системы и всего общества Швеции, славящихся своей толерантностью, прохождение крайне правой партии в парламент стало испытанием и породило оживлённые дискуссии.

История праворадикальных партий Швеции берёт своё начало в 1924 году, когда братьями Фуругорд в стране была основана первая фашистская партия – «Шведский национал-социалистический союз свободы». ШНССС была устроена по германскому нацистскому образцу. Программа партии носила антисоциалистический и антисемитский характер. В 1929 году ШНССС слился с другой фашистской группировкой – «Фашистской боевой организацией Швеции», в результате чего возникла «Национал-социалистическая народная партия». Она вскоре распалась, а один из её лидеров - Свен-Олоф Линдхольм, - основал свою «Национал-социалистическую народную партию». С 1938 года Линдхольм старался избегать отчётливого подражания немецкому образцу, дав партии более невинно звучащее имя – «Шведское социалистическое объединение». Другой заметной фашистской партией было «Национальное движение единения» Элофа Эриксона, требовавшее заселения северной части Швеции и выступавшее против якобы господствовавших позиций евреев в шведской экономике. Движение распалось в 1935 году после запрета издания партийной газеты. Правительство страны пошло на это из-за оскорблений, нанесённых партией Валленбергам – влиятельной семье шведских евреев.

Фашистские партии Швеции оставались незначительными сектантскими группами, отвергнутыми населением по демократическим и национальным мотивам. Они не могли

получить на выборах более 1% голосов¹. Шведская политическая и общественная система оказалась устойчивой к соблазнам фашизма. Правящих социал-демократов поддерживал крестьянский Союз, что позволило не допустить радикализации крестьянства. В то же время антисемитская агитация фашистов имела определённое влияние на умонастроения общественности. Окончательно фашистские партии были запрещены только в 1946 году².

Несмотря на сохранявшиеся неонацистские организации, возрождение крайне правых партий в Швеции произошло только в 1991 г., когда была создана и сразу громко заявила о себе партия «Новая демократия» (Ny Demokrati). Партия была создана двумя публичными персонами: предпринимателем и писателем Яном Вахтмейстером (Jan Wachtmeister) и владельцем звукозаписывающей компании и парка развлечений Бертом Карлссоном (Bert Karlsson). Она резко выделялась на фоне существовавших политических партий, активно выступала против них, спекулируя популистских антииммигрантских лозунгах и заявляя, что «политика должна быть весёлой»³. «Новая демократия» также предлагала снизить налоги (прежде всего, на алкоголь), урезать государственные расходы и приватизировать часть общественного сектора. Следует отметить, что программа партии может считаться, по скандинавским меркам, сенсационной однако во многих других странах не вызвала бы столько обвинений в антидемократизме и расизме.

Болотникова Екатерина Григорьевна – аспирантка кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ. E-mail: e-katerine@yandex.ru

Некоторые исследователи отказывают этой партии в праве называться крайне правой, ограничиваясь такими определениями, как антииммигрантская, популистская и протестная⁴.

Созданная всего за полгода до парламентских выборов 1991 г., «Новая демократия» провела успешную избирательную кампанию и получила 6,7% голосов, заняв 24 места в Риксдаге. Интересна реакция ведущих партий на появление «Новой демократии». Бесспорно, новая партия казалась политическому истеблишменту несерьёзной и восприятие партии было однозначно негативным. В то время партии избегали открытой конфронтации и споров. Единственным исключением был лидер «Либеральной партии» Бенгт Вестерберг (Bengt Westerberg), решительно критиковавший «Новую демократию» на протяжении всей избирательной кампании и демонстративно покинувший телевизионную студию, когда в ночь подсчёта голосов туда зашли Вахтмейстер и Карлссон. Однако в целом ведущие партии предпочли не замечать «Новую демократию», возможно, с целью не привлекать дополнительно внимания и не разжигать интерес избирателей к этой партии⁵. Однако после того, как «Новая демократия» уверенно попала в парламент, игнорировать её дальше стало невозможно.

В сложившейся ситуации консервативное правительство Карла Бильдта (Carl Bildt) для получения поддержки в парламенте должно было либо договариваться с оппозиционными социал-демократами, либо полагаться на поддержку «Новой демократии». Как правило, правительство предпочитало последний вариант. В то же время представители партии не приглашались в правительство, и взаимодействие с ней сводилось к решению конкретных текущих вопросов. За всё время нахождения «Новой демократии» в Риксдаге ведущие партии не старались побудить партию разделить политическую ответственность за правительственный курс. Однако в то же время они не предпринимали шагов для маргинализации партии (не вносили в избирательное законодательство поправок, уменьшавших бы шансы «Новой демократии» на переизбрание, не изменяли правила предоставления государственных субсидий политическим партиям). Ведущие партии относились в «Новой демократии» как к незваному гостю, однако не считали её угрозой демократии⁶. Более того, в середине 1990-х годов правительство ужесточило иммиграционную политику, таким образом, претворив в жизнь некоторые из предложений партии.

Падение «Новой демократии» произошло по внутренним причинам, главными из которых были отсутствие национальной партийной организации и внутрипартийные разногласия. Созданная поспешно и управляемая единолично Вахтмейстером и Карлссоном, «Новая демократия» по структуре напоминала не политическую партию, а деловое предприятие. Вахтмейстер и Карлссон заставляли местные независимые

партии подписывать контракт, предоставляя тем право использовать марку «Новая демократия». В Швеции не было народных движений или прежде существовавших популистских партий, откуда «Новая демократия» могла бы привлекать сторонников. Единственными националистическими организациями, откуда партия могла «черпать» резервы, были неонацисты. Однако «Новая демократия» никогда не стремилась привлечь их в свои ряды⁷. Отбор кандидатов в депутаты Рикстага без учёта их преданности партийному делу привёл к значительным трудностям после их прохождения в парламент. Депутаты отказывались починяться партийной дисциплине, периодически голосовали вопреки ранее принятым решениям, что ещё в большей мере укрепляло другие политические силы во мнении, что «Новая демократия» – партнёр ненадёжный и непрофессиональный.

Хуже всего на образ партии повлияли разногласия между её лидерами - Вахтмейстером и Карлссоном. В феврале 1994 г. Вахтмейстер сложил свои полномочия, а перед выборами 1998 организовал другую «Новую партию», не прошедшую в парламент. Ещё одна важная ошибка лидеров партии – последовательная поддержка европейской интеграции и уверенность в необходимости для Швеции присоединения к ЕС. Партия не смогла связать вместе ксенофобские настроения и неприятие ЕС, в связи с чем потеряла поддержку избирателей-евроскептиков, которые в результате оказались в электорате «зелёных» и «левых»⁸. Отсутствие чёткой партийной структуры в национальном масштабе в сочетании с личными разногласиями в руководстве и стратегическими просчётами, привели к тому, что уже в 1994г. «Новая демократия» исчезла с политической арены Швеции. В 2000 году партия была объявлена банкротом и окончательно прекратила своё существование.

В настоящее время наиболее заметной партией крайне правой ориентации являются «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna). Возникнув как маргинальная партия, вышедшая из неонацистских кругов, она постепенно скорректировала свой образ, сделав его более демократичным и планомерно увеличивая уровень электоральной поддержки, когда каждые новые выборы становились для партии успешнее предыдущих. По результатам парламентских выборов 2006 года «Шведские демократы» получили 2,93% голосов - на 1,5% больше, чем в 2002 году, хотя по-прежнему недостаточных для преодоления 4-процентного рубежа. На местном уровне «Шведские демократы» достигли ещё больших успехов: партия была представлена в управлении большинства коммун. Историческое для «Шведских демократов» событие – преодоление 4-процентного барьера и попадание в Риксдаг – случилось на выборах 19 сентября 2010 года, когда партия набрала 5,7% голосов избирателей и получила 20 мест в парламенте. Укрепилось и положение партии на местных уровнях власти. В то же время успех

«Шведских демократов» вызывает наибольшее количество возмущений и опасений как среди политического истеблишмента, так и в обществе в целом: прохождение партии в Риксдаг вызвало волну общественных протестов и манифестаций.

Партия «Шведские демократы» была основана в 1988 году Лейфом Зейлоном (Leif Zeilon) и стала прямым преемником «Шведской партии», которая, в свою очередь, появилась при слиянии в 1986 году «Шведской партии прогресса» и нацистского движения «Сохраните Швецию шведской» (Bevara Sverige Svenskt). «Шведские демократы» как партия имеет корни в шведском фашизме, и многие её члены одновременно состояли также в открыто антидемократичных нацистских и фашистских группировках – особенно в конце 1980-х-начале 1990-х годов. У половины ответственных работников партии в начале и середине 1990-х годов было криминальное прошлое, от 30 до 55% из них имели связи с неонацистами⁹. Однако со второй половины 1990-х годов партия начинает активно изменять свой образ на более цивилизованный. Определённым рубежом в этом отношении стал 1995 год, когда количество активных членов партии с криминальным прошлым значительно сократилось – с 46,2% в 1994 году до 15,8% в 1995 году. В дальнейшем эта цифра не превышала 21,1%¹⁰.

В 1996 году членам партии запретили носить униформу, а в 2000 году «Шведские демократы» открыто отвергли нацизм. В 2002 году партия исключила из своей программы призывы к запрету аборт и усыновления неевропейцев, а также разрешение смертной казни. В 2001 году из партии были исключены два радикально настроенных активиста, не согласившихся с проводимыми реформами – Андерс Стеен (Anders Steen) и Тор Паулссон (Tor Paulsson). Они вместе со 150 сочувствовавшими им создали новую партию – «Национальные демократы» (Nationaldemokraterna). Разрыв 2001 года положительно сказался на «Шведских демократах»: партия лишилась некоторых преданных и опытных сторонников, однако в то же время избавилась от наиболее скомпрометированных и деструктивных элементов в своих рядах. В 2003 г., стремясь стереть печать экстремизма, партия объявила, что её программа основывается на Декларации прав человека ООН.

В стремлении стать более уважаемой партией, «Шведские демократы» стали ориентироваться на успешные европейские праворадикальные организации, прежде всего, на французский «Национальный фронт». Постепенно ролевой моделью для «Шведских демократов» всё в большей мере становилась «Датская народная партия». Сегодня «Шведские демократы» называют себя националистической партией, осуждающей все виды расизма. Политику демократизации партии и облагораживания её образа в глазах избирателей последовательно проводят все руководители партии, начиная с Микаэля Янссона (Mikael Jansson), возглавлявшего «Шведских демократов»

с 1995 по 2005 годы, и продолжая нынешним лидером – Йимми Окессоном (Jimmie Åkesson). Весной 2010 года количество членов партии составило 4571 человека¹¹, и эта цифра быстро увеличивалась. В то же время такого количества было недостаточно для проведения предвыборной кампании методами, требующими больших трудозатрат, таких, как раздача листовок. По этой причине «Шведские демократы» приняли решение сосредоточиться на современных технологиях проведения предвыборной агитации, в которых ключевая роль принадлежит Интернету и СМИ¹².

И все же, несмотря на упорные и безуспешные попытки партии выглядеть в глазах избирателя надёжной и демократической, в стране по-прежнему широко распространён образ «Шведских демократов» как «замаскированного черта». Многие избиратели убеждены, что, создав себе демократический фасад, партия по своей сути остается недемократической, расистской и жестокой¹³. Экстремистский образ партии является важнейшим препятствием, с которым она сталкивается на выборах. На протяжении первой половины 1990-х годов не было чёткого различия между «Шведскими демократами» и различными нацистскими и скинхедовскими группировками¹⁴. Партийное руководство попыталось преодолеть такую ситуацию, введя в 1996г. запрет на ношение униформы. Однако вплоть до 1999г. оно было вынуждено постоянно напоминать рядовым членам об указанном решении. И хотя последовательная демократизация партии и чистка её рядов принесла значительные плоды, эта работа ещё далека от завершения. Кроме того, периодически члены партии позволяют себе резкие высказывания, не согласующиеся с официальной позицией «Шведских демократов»: до сих пор в партии раздаются голоса о необходимости возврата к менее умеренным принципам.

Политические взгляды «Шведских демократов» нашли отражение в Программе, действующей с 2003 с поправками 2005 года¹⁵, а также в изданном в сентябре 2010 года предвыборном манифесте «99 предложений для лучшей Швеции. Договор «Шведских демократов» с избирателями на 2010-2014 годы»¹⁶ и «Теневом бюджете» «Шведских демократов» на 2010 год¹⁷. В соответствии с этими документами, партия является, прежде всего, антииммиграционной силой, она основана на этнонационализме и ксенофобии. Признавая самоценность каждой нации, «Шведские демократы» призывают сделать Швецию этнически и культурно гомогенной. Выступая за этническую сегрегацию, партия, по словам Торбьорна Кастелла (Torbjörn Kastell), бывшего в то время партийным секретарём, высказывается за «мультикультурный мир, а не мультикультурное общество»¹⁸. Мультикультурализм, по мнению партии, приводит к общественным конфликтам и дисгармонии. «Шведские демократы» поддерживают в этой связи так называемый этноплюрализм, иногда называемый культуризмом или «новым расизмом». Основная идея такого подхода состоит в том, что

все этнические и культурные группы равны, но не должны перемешиваться. Для сохранения уникальных национальных характеров разных народов они должны жить отдельно, так как смешение разных этносов приводит к культурному вырождению¹⁹.

Главными угрозами уникальной шведской культуре называются иммиграция, наднациональные органы власти (ЕС), культурный империализм (прежде всего, со стороны США) и глобализация (с особым акцентом на экономическом глобализме)²⁰. «Шведские демократы» выступают за очень строгую иммиграционную политику, резко ограничивающую доступ в страну всем неевропейцам. Желающим получить шведское гражданство предлагается прожить в стране 10 лет и доказать знание шведского языка и истории. Партия считает, что «шведское гражданство должно быть привилегией для шведов», не считает «настоящими» шведами иммигрантов, уже получивших гражданство. В Программе партии утверждается, что «полностью стать частью нации» нешведцы могут только через «несколько поколений»²¹. В 1999 году «Шведские демократы» сняли из своей программы требование репатриации иммигрантов и сегодня выступают за их ассимиляцию. Это изменение вызвано стремлением сделать партию более уважаемой и взвешенной. В то же время партия по-прежнему видит «Швецию страной шведов», понимая под последними «людей, которых другие шведы видят шведами»²².

С точки зрения «Шведских демократов», иммиграция несёт несколько угроз шведскому обществу:

- во-первых, она рассматривается как угроза шведской культуре и национальной идентичности;
- во-вторых, иммиграция признаётся источником преступлений, которые могут довести общество даже до гражданской войны. Как сказал во время избирательной кампании 1998 года один из членов партии, «всегда трудно делать заявления относительно расписания, но мне кажется бесспорным, что ещё четыре года такой же иммиграционной политики, и мы закончим чем-то не очень далёким от гражданской войны... Всё чаще и чаще слышишь о четырёх темнокожих парнях, грабящих и нападающих на беззащитных пожилых людей, возвращающихся с почты домой со своей скудной пенсией. А наших молодых людей, голубоглазых, светловолосых, унижают и отбирают у них мобильные телефоны. Совершенно новый феномен в шведской истории – групповые изнасилования наших девушек»²³;
- иммиграция представляется причиной безработицы и финансовых трудностей государства всеобщего благосостояния;

— иммигранты обвиняются в жилищном кризисе и недостаточном уровне жизни пенсионеров.

Из подобных рассуждений логично вытекает партийный девиз «Сначала шведы!» «Шведские демократы» с ужасом описывают сегодняшнюю ситуацию как «моральное разложение» и считают фундаментальной основой общества семью. До сих пор идут внутривнутрипартийные споры о целесообразности отказа от требований запретить аборт и ввести смертную казнь. «Шведские демократы» – откровенно популистская партия, что среди прочего проявляется в их постоянных нападках на существующие партии. Отвечая на обвинения в недемократизме, представители партии заявляют, что именно «Шведские демократы» и продвигают демократию, в то время как остальные партии роют ей могилу. По словам партийного руководства, «Шведские демократы» не играют в политкорректность, а «говорят то, что думают обычные люди, и говорят это громко»²⁴. Они постоянно критикуют политику интеграции иммигрантов и обвиняют политическую элиту в игнорировании этого вопроса. «Шведские демократы» активно используют своё маргинальное положение, чтобы создавать впечатление, будто шведская политическая сцена разделена между сговорившейся политической элитой, оторванной от народа, и «Шведскими демократами», защищающими интересы обычного человека с улицы²⁵.

Желание выглядеть защитниками интересов шведского народа привело к тому, что в качестве идеологической ролевой модели «Шведские демократы» всё больше ориентируются не на современных новых правых, таких как Ле Пен или Хайдер, а на ведущие фигуры среди шведских социал-демократов прошлого. Апеллируя к фигуре Пер Альбина Ханссона, лидера СДРПШ и премьер-министра Швеции в 1932-1946 годах, и его концепции «народного дома», «Шведские демократы» представляют своё ностальгическое политическое видение гомогенной политической системы Швеции для всего шведского народа, а также стараются перенести положительное отношение к образу социал-демократов прошлого на современных «Шведских демократов»²⁶.

«Шведские демократы», в отличие от многих крайне правых партий в Европе, не призывают к экономической либерализации. В экономической части своей Программы они ориентируются на социал-демократов, защищая модель государства всеобщего благосостояния²⁷. Но в идеологических вопросах партия использует классическую риторику крайне правых партий, пропагандируя культурный консерватизм и подчёркивая важность таких тем, как закон и порядок, традиционные семейные ценности, сильная оборона и т.д.

Перед выборами 2010 года «Шведские демократы» провели интенсивную избирательную кампанию, поставив себе цель попасть в Риксдаг. После выборов 2006 года «Шведские демократы» оставались крупнейшей шведской партией,

не представленной в парламенте. Опросы общественного мнения свидетельствовали, что поддержка «Шведских демократов» растёт: если в апреле 2009 года за них были готовы проголосовать 2,8% избирателей, то в апреле 2010 эта цифра составила уже 4,9%²⁸. Поэтому многолетняя мечта партии – преодолеть 4-процентный рубеж и попасть в Риксдаг – стала осуществимой.

Во время избирательной кампании шведское телевидение провело интересное социологическое исследование, которое базировалось на анкетировании 11889 избирателей в 4 регионах страны на 90 избирательных участках и 40 участках для досрочного голосования²⁹. Отвечая на вопрос, какие проблемы представлялись им наиболее важными, избиратели «Шведских демократов» назвали следующие:

- беженцы/иммиграция;
- закон и порядок;
- забота о пожилых людях;
- здравоохранение;
- частная экономика (домохозяйства);
- национальная шведская экономика;
- школа и образование³⁰.

Данное исследование позволило также определить группы избирателей, чаще других голосовавших на «Шведских демократов». Оказалось, что среди избирателей «Шведских демократов» женщины по численности несколько опережают мужчин. Партия больше популярна среди молодёжи от 18 до 29 лет, чем среди членов профсоюзов, безработных и в среднем среди всех избирателей. Однако действительно впечатляющей поддержки (в 2,5-3 раза больше средней поддержки партии среди избирателей) «Шведские демократы» добились от избирателей, считающих наиболее важным вопрос беженцев/иммигрантов, а также избирателей, отличающихся низким доверием к политической системе страны³¹. Представляется, что «Шведские демократы» чутко улавливают настроения своего электората. На следующий день после выборов, когда стало ясно, что партия прошла в парламент, её лидер Йимми Окессон заявил: «Шведские демократы» «решили продвигать требования в трёх областях, а именно: в сфере иммиграционной политики, политики борьбы с преступностью и положения пожилых граждан Швеции»³².

В целом собирательный образ избирателя «Шведских демократов» таков: это скорее женатый/замужняя швед/шведка, с неплохими доходами, живущий в районах пригородов, облюбованных представителями среднего класса³³, а не малообеспеченные слои или маргинальные элементы. Потенциальные избиратели праворадикальных партий могут быть найдены среди разных групп шведского общества. Так, 10% избирателей не участвуют в выборах и при этом придерживаются ксенофобских взглядов³⁴. 11% шведских избирателей одновременно выступают за ужесточение иммиграционной политики и считают этот вопрос самым важным среди других социальных вопросов³⁵. Именно представители

подобных групп избирателей представляют собой наиболее вероятных избирателей праворадикальных партий Швеции.

Другой группой потенциальных избирателей являются противники ЕС, придерживающиеся правых взглядов. Однако на референдуме 2003 г. по вопросу введения евро «Шведским демократам» не удалось завоевать внимание избирателей. На этом референдуме националистические аргументы не использовались, а вопросы иммиграции не поднимались вовсе³⁶. Кроме того, в рядах противников введения евро находились не только «зелёные» и «левые», но и «Партия центра». Потому победа противников введения евро не привела к усилению позиции праворадикальных партий. Однако в будущем противники ЕС могут составить часть избирателей «Шведских демократов».

Основными причинами успеха «Шведских демократов» можно назвать ксенофобию, стремительно упавшее доверие к существующим политическим партиям, а также внимание СМИ, изначально вызванное успехом подобных партий за границей. Важнейшим фактором, определившим появление праворадикальных партий в Швеции, стала ксенофобия. 12% нынешнего населения Швеции родились за границей³⁷, что является объективной предпосылкой для роста национализма. В 2004 году 45,5% шведов высказались за закрытие границ для иммиграции (ещё в 1999 году эта цифра составляла только 35%³⁸). Согласно социологическим опросам, 25% шведов в 2005 году были убеждены в том, что «в вопросах обеспечения работой, жильем и социальными гарантиями шведы должны обладать преимуществом перед иммигрантами»³⁹.

Известно, что значительная иммиграция сама по себе не объясняет успех праворадикальных партий в одних странах и их провалы в других⁴⁰. Подобным образом, существование в обществе ксенофобских настроений не ведёт автоматически к росту праворадикальных партий. Даже тот факт, что вопрос иммиграции считается в обществе значительным и привлекает внимание, этого недостаточно для успеха экстремистских правых движений; этот вопрос должен быть *политически* важным. Это означает, что он должен быть, прежде всего, политизирован, то есть выражен в политических терминах, но полностью политизированным он может считаться только тогда, когда влияет на электоральное поведение избирателей⁴¹. Исходя из этого определения, вопрос иммиграции не был полностью политизирован в Швеции в течение 1990-х-начала 2000-х годов. Он не оказывал значительного влияния на выбор партий избирателями, возможно, с некоторым исключением кампании 1991 года, когда «Новая демократия» попала в парламент. Социологическое исследование шведского телевидения показало, что вопрос о беженцах/иммигрантах оказался на 16-м месте по важности для избирателей, голосовавших на выборах 2010 года⁴².

В то же время улучшение показателей антииммигрантской партии «Шведские демократы», на каждых новых выборах может означать только одно: вопрос об иммиграции становится всё более политически важным. Одним из важнейших условий для успеха новой партии является разочарование электората существующими партиями. Недоверие к основным политическим силам заставляет избирателей обратить внимание на новые партии. В этой ситуации особенно выгодное положение у протестных, антиистеблишментских партий. Доверие шведов к политическим институтам упало с конца 1960-х годов сильнее, чем у большинства европейцев⁴³, что, конечно же, частично обусловлено необыкновенно высоким уровнем доверия, с которого оно начало снижаться. Значительно возросло недовольство шведов политиками и политическими партиями. Если в 1968 г. с утверждением «парламентарии не сильно озабочены тем, что думают обычные люди» были согласны 46% избирателей, в 1982 г. – 60%, то в 1998 г. таких было уже 75%⁴⁴.

Заметно снизилась степень «партийной идентификации», верности избирателей определённой партии. в 1960 г. 53% избирателей демонстрировали высокий уровень партийной идентификации, в 1982 г. таких было 34%, в 1991 г. – 21%, а в 1998 г. – только 19%⁴⁵. В 2006 году избирателей с высокой степенью партийной идентификации было только 15%⁴⁶. Снижился и уровень голосования по социальным критериям. В результате избиратели стали более требовательными, все чаще на новых выборах голосуя не за ту партию, что предпочитали на предшествовавших. В таких условиях новой партии значительно легче было достичь успеха на выборах, особенно партии популистской, ругающей сложившуюся партийную систему.

Ещё одним фактором, способствовавшим укреплению положения «Шведских демократов», было внимание, которое шведские и международные масс-медиа уделили успехам европейской праворадикальных партий⁴⁷. Значительно меньшее значение для усиления положения праворадикальных партий Швеции имели экономический кризис и безработица первой половины 1990-х годов. Более того, экономические проблемы этого периода привели к усилению поддержки левых партий, а не к росту ксенофобии и национализма⁴⁸. Рассмотренные причины стали предпосылкой усиления влияния «Шведских демократов», приведшего к тому, что партия попала в парламент. Однако несмотря на то, что уровень ксенофобии и разочарованности партийной системой в Швеции растёт, усилению позиций праворадикальных партий в Швеции мешает ряд факторов:

— во-первых, при выборе партии, за которую он будет голосовать, шведский избиратель ориентируется, прежде всего, на экономическую часть их программ⁴⁹. Вопрос иммиграции, как уже говорилось выше, сравнительно неважен для шведских избирателей. Несмотря на то, что многие шведы считают этот вопрос

важным, он оказывает маленькое влияние на выбор партии⁵⁰. Экономический кризис и высокий уровень безработицы 1990-х годов привели к усилению левых настроений в экономических вопросах, а не способствовали росту авторитарных и ксенофобских настроений в вопросах социально-культурных. Кризисные годы середины 1990-х были отмечены преобладающим значением вопросов экономики и безработицы, а, начиная с конца 1990-х, повестка дня для шведских избирателей возглавляется вопросами здравоохранения и образования⁵¹;

— во-вторых, несмотря на падение привязанности к определённым партиям, степень партийной лояльности шведских избирателей всё ещё на высоком уровне. Степень голосования по классовому критерию высока, особенно среди представителей рабочего класса. Так, на выборах 1998 г. 63% рабочих голосовали за левые партии (социал-демократов либо «Левую партию»), а представители «голубых воротничков» отдали им 75% своих голосов⁵². Верность рабочих левым партиям имеет определяющее значение, так как именно рабочие считаются потенциальными избирателями праворадикальных партий. Сохраняющаяся классовая лояльность свидетельствует о том, что сложившиеся приоритеты и идентичности значительной части шведского общества не разрушены, у людей не возникает чувства потерянности и необходимости поиска новых идентичностей, в частности, этнической;

— в-третьих, программы шведских партий не сливаются, у избирателя не возникает чувства, что «они все одинаковые». Проведённые опросы шведских избирателей, при которых им предлагали расположить партии слева (0) направо (10), показали, что «Консервативная партия» в 1979 г. и 1982 г. получила 8,9, в 1988 г. – 8,9, в 1991 г. – 8,7, в 1994 г. – 8,8 и в 1998 г. 8,9. В тот же промежуток «Левая партия» получала от 0,9 до 1,4⁵³. В то же время необходимо сделать оговорку, что, скорее всего, при расположении партий на право-левой шкале, избиратели учитывали только экономическую часть их программ. Возможно, существующие партии располагаются в глазах шведов намного ближе друг к другу, если учитывать социально-культурное измерение.

Таким образом, существует целый ряд факторов, препятствующий усилению роли крайне правых партий в Швеции. В случае со «Шведскими демократами» необходимо также помнить о важнейшем препятствии, кроющемся в самой истории партии – её экстремистском происхождении и сохраняющемся недостаточно демократическом имидже. В связи с этим интересно проследить за реакцией ведущих политических сил Швеции на появление и избирательные кампании «Шведских демократов» – она значительно отличалась от спокойного

игнорирования, которым встретили «Новую демократию». «Шведские демократы» столкнулись с *cordon sanitaire*. В 2002 г. находившиеся у власти социал-демократы и оппозиционные либералы выпустили совместный пресс-релиз, в котором официально излагалось намерение и дальше не давать антииммигрантским партиям (под которыми подразумевались «Шведские демократы») набирать вес в местных советах. Утверждалась невозможность создания с ними коалиций и любых форм сотрудничества. Несмотря на то, что большинство дел, решаемых на местном уровне, не имеет отношения к идеологии, «Шведские демократы» столкнулись с тем, что, по их словам, «не важно, что мы предлагаем, наши предложения всегда проваливаются, и ни одна другая партия не замолвит за нас ни словечка»⁵⁴.

Средства массовой информации также вводили запрет на публикацию рекламы «Шведских демократов». Однако 16 июня 2006 года Dagens Nyheter и Svenska Dagbladet решили прекратить бойкот. Другая крупнейшая газета Expressen пока запрет не отменила. В связи с подобными бойкотами «Шведские демократы» часто заявляют, что они - жертвы заговора, цель которого – обмануть шведов и не дать им услышать голос партии, рдеющей за народ⁵⁵. В 2006 году, после того, как «Шведские демократы» в знак поддержки датской газеты Jyllands-Posten опубликовали на своём сайте картинку с изображением пророка Мухаммеда, сайт был закрыт при непосредственном вмешательстве правительства. «Шведские демократы» отказались от дальнейших публикаций, однако подали судебные иски на правительственные службы, расценивая вмешательство как неконституционное и ограничивающее свободу слова.

Образ «жертвы», партии, которой «затыкают рот» и не дают выразить чаяния народа, активно используется «Шведскими демократами» в борьбе за симпатии избирателей. Кроме того, каждая акция антифашистов, громкий выпад представителей других шведских партий или ограничение возможности агитировать привлекают к «Шведским демократам» повышенное внимание. Так, после отказа частного телеканала TV4 демонстрировать предвыборный ролик партии, число его просмотров на YouTube составило более 600 000. Особенно много о «Шведских демокра-

тах» заговорили после выборов 19 сентября 2010 года. Само прохождение праворадикальной и, в глазах многих, экстремистской партии в Риксдаг породило волну антирасистских демонстраций и оживлённые дискуссии о потере толерантности в шведском обществе. Однако ещё больше роль партии и её 20 мест в парламенте возросла в связи с тем, что победивший на выборах правоцентристский блок «Альянс за Швецию» во главе с Ф. Райнфельдом, получил только 173 места из 349. Отсутствие абсолютного большинства толкало коалицию на поиски союзников. Однако Райнфельдт с самого начала однозначно отверг саму возможность каких-либо переговоров со «Шведскими демократами». Такую же позицию заняла и красно-зелёная оппозиция во главе с социал-демократами⁵⁶.

Все ведущие партии воспринимают «Шведских демократов» как популистскую безответственную партию, делающую политический капитал на ксенофобии. Однако после прохождения партии в Риксдаг игнорировать её стало невозможно. Можно предположить, что в сложившейся ситуации «Шведские демократы» будут стараться повлиять на правительственную деятельность, прежде всего, в вопросе ужесточения иммиграционной политики. Самой же партии будет необходимо поддерживать баланс между своей антиистеблишментской риторикой и демократизацией, необходимой для дальнейшего разрушения экстремистского образа «Шведских демократов».

Bolotnikova E.G. Radical Right Parties of Contemporary Sweden.

Summary: In recent years Sweden has gone a long way from an example of the state resistant to the radical right challenge to another country where radical right party has entered the parliament. According to the results of the 2010 general elections, radical right party Sweden Democrats polled 5,7% votes and won 20 seats in the Riksdag. This success was not a surprise because opinion polls showed that support of the Sweden Democrats had been constantly growing. At the same time entering the parliament by the radical right party has become a challenge for the party system and overall Swedish society known for its tolerance, and has provoked considerable discussion.

Ключевые слова

праворадикальная партия, праворадикальный популизм, Швеция, Шведские демократы.

Keywords

right party, radical right populism, Sweden, Sweden Democrats.

Примечания

1. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 2000. – С.140.
2. Там же. – С.142.
3. Westlind D. The politics of popular identity. Understanding recent populist movements in Sweden and the United States. – Lund, Lund University Press, 1996. – P.133.
4. Fennema M. Populist parties of the Right // Rydgren J. (ed.) Movements of exclusion. Radical right-wing populism in the Western world. – New York, Nova Science Publishers, 2005. – P.12.
5. Elmbrant B. Så föll den svenska modellen. – Stockholm, T.Fischer, 1993.
6. Widfeldt A. The diversified approach. Swedish responses to the extreme right // Eatwell R., Mudde C. (eds) Western democracies and the

- new extreme right challenge. – Routledge, 2004. – P.151.
7. Art D. The European radical right in comparative-historical perspective. 2006. <http://ase.tufts.edu/polsci/faculty/art/europeanRadicalRight.pdf> [23.10.2010] – P.31.
 8. Rydgren J. Meso-level reasons for racism and xenophobia. Some converging and diverging effects of radical right populism in France and Sweden // *European Journal of Social Theory*. 2003. №6(1). – P. 62.
 9. Widfeldt A. Party change as a necessity – the case of the Sweden Democrats // *Representation*. 2008. Vol. 44. No. 3. – P.269.
 10. Ibid. – P.270.
 11. Sverigedemokraternas medlemsantal har ökat med 26 procent. SD Kurinen. 01.03.2010. http://www.mynewsdesk.com/se/pressroom/sverigedemokraterna/pressrelease/view/sverigedemokraternas-medlemsantal-har-oekat-med-26-procent-377811?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_campaign=Alert [23.10.2010]
 12. Widfeldt A. Party change as a necessity – the case of the Sweden Democrats // *Representation*. 2008. Vol. 44. No. 3. – P.274.
 13. Hellström A., Nilsson T. 'We are the good guys'. Ideological positioning of the nationalist party Sverigedemokraterna in contemporary Swedish politics // *Ethnicities*. 2010. Vol.10 (1). – P.64.
 14. Larsson S., Ekman M. Sverigedemokraterna. Den nationella rörelsen. – Stockholm, Ordfront/Expo, 2001.
 15. Sverigedemokraternas principprogram. 2005. <http://sverigedemokraterna.se/files/2010/07/Sverigedemokraternas-principprogram-2005.pdf> [23.10.2010]
 16. 99 förslag för ett bättre Sverige. Sverigedemokraternas kontrakt med väljarna 2010-2014. 2010. http://sverigedemokraterna.se/files/2010/09/Valmanifest_2010.pdf [23.10.2010]
 17. En återupprättad välfärd. Sverigedemokraternas skuggbudget våren 2010. <http://sverigedemokraterna.se/files/2010/06/Skuggbudget-2010-version-2.1.pdf> [23.10.2010]
 18. Rydgren J. Radical right-wing populism in Sweden and Denmark. 2005. <http://hsf.bgu.ac.il/europe/uploadDocs/csepsjpr.pdf> [23.10.2010]. – P.24.
 19. Griffin R. Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in the 'Post-Fascist Era, *Journal of Political Ideology*. 2000. Vol 5, No 2.
 20. Sverigedemokraternas principprogram. 2005. <http://sverigedemokraterna.se/files/2010/07/Sverigedemokraternas-principprogram-2005.pdf> [23.10.2010]
 21. Ibid.
 22. Ibid.
 23. Can M. I Sveriges namn. *Dagens Nyheter*. 2002. 28 September.
 24. Larsson S., Ekman M. Sverigedemokraterna. Den nationella rörelsen. – Stockholm, Ordfront/Expo, 2001. – S.277.
 25. Hellström A., Nilsson T. 'We are the good guys'. Ideological positioning of the nationalist party Sverigedemokraterna in contemporary Swedish politics // *Ethnicities*. 2010. Vol.10 (1). – P.66.
 26. Ibid. – P.62.
 27. Ibid.
 28. Väljarbarometern. April 2010. <http://www.tns-sifo.se/media/280062/vb%20apr%202010%20svd.pdf> [23.10.2010]
 29. Holmberg S., Näsman P., Wänström K. Riksdagsvalet 2010 Valu. 2010. http://svt.se/content/1/c8/02/15/63/14/ValuResultat2010_100921.pdf [23.10.2010]
 30. Ibid. – S.4.
 31. Ibid. – S.31.
 32. Демократы Швеции готовы сотрудничать со всеми партиями. 2010. <http://sverigesradio.se/cgi-bin/international/nyhetssidor/amnessida.asp?programID=3896&Nyheter=0&grupp=9332&artikel=4028402> [23.10.2010]
 33. Sannerstedt A. De okända väljarna – en analys av de skånska väljare som röstade på icke riksdagspartier 2006 // Nilsson L., Antoni R. (eds) *Medborgarna, regionen och flernivådemokratin*, 2008. – Göteborg: SOM-insitutet.
 34. Rydgren J. Radical right populism in Sweden: still a failure, but for how long? // *Scandinavian political Studies*. 2002. Vol. 25. No.1. – P.46.
 35. Rydgren J. Radical right-wing populism in Sweden and Denmark. 2005. <http://hsf.bgu.ac.il/europe/uploadDocs/csepsjpr.pdf> [23.10.2010] – P.13.
 36. Widfeldt A. Elite collusion and public defiance: Sweden's euro referendum in 2003 // *West European Politics*. 2004. Vol.27. No.3. – P.510.
 37. *Befolkningsstatistik 2004*. Örebro, 2005.
 38. Muslims face most racism in Sweden // *The local*. 25.10.2005. <http://www.thelocal.se/article.php?ID=2363&date=20051025> [23.10.2010]
 39. Pocket facts. Statistics on integration. 2006. <http://www.temaasyl.se/Documents/%C3%96vrigt/Pocket%20facts.pdf> [23.10.2010] – P.98.
 40. Kitschelt H. *The Radical Right in Western Europe. A Comparative Analysis*. – Ann Arbor, University of Michigan Press, 1995. – P.62.
 41. Campbell A., Converse P. E., Miller W. E. and Stokes D. E. *The American Voter*. – New York, Wiley, 1960. – P.29-32.
 42. Holmberg S., Näsman P., Wänström K. Riksdagsvalet 2010 Valu. 2010. http://svt.se/content/1/c8/02/15/63/14/ValuResultat2010_100921.pdf [23.10.2010] – S.3.
 43. Möller T. *Politikens meningslöshet. Om misstro, cynism och utanförskap*. – Malmö, Liber, 2000. – S.52.
 44. Holmberg S. *Välja parti*. – Stockholm, Norstedts Juridik, 2000. – S.34.
 45. Ibid. – S.41.
 46. Oscarsson H., Holmberg S. *Regeringsskifte: väljarna och valet 2006*. – Stockholm, 2008. – S.225.
 47. Rydgren J. Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family // *European Journal of Political Research*. 2005. №44. – P.430.
 48. Rydgren J. Meso-level reasons for racism and xenophobia. Some converging and diverging effects of radical right populism in France and Sweden // *European Journal of Social Theory*. 2003. №6(1). – P.61.
 49. Rydgren J. Radical right-wing populism in Sweden and Denmark. 2005. <http://hsf.bgu.ac.il/europe/uploadDocs/csepsjpr.pdf> [23.10.2010] – P.8.
 50. Rydgren J. Radical right populism in Sweden: still a failure, but for how long? // *Scandinavian political Studies*. 2002. Vol. 25. No.1. – P.48.
 51. Rydgren J. Radical right-wing populism in Denmark and Sweden: explaining party system change and stability // *SAIS review*. 2010. Vol. XXX, no 1. – P.62.
 52. Holmberg S. *Välja parti*. – Stockholm, Norstedts Juridik, 2000. – S.65-66.
 53. Ibid. – S.124.
 54. Art D. The European radical right in comparative-historical perspective. 2006. <http://ase.tufts.edu/polsci/faculty/art/europeanRadicalRight.pdf> [23.10.2010] – P.33.
 55. Vem ska SD skylla på nu? Expo. 07.03.2006 http://www.expo.se/index_1.php?pg=http%3A//www.expo.se/www/1_1491.html [23.10.2010]
 56. Фреден Ю. Выборы в Швеции: драма без ясной развязки. 2010. 21 сентября. <http://www.sweden.se/ru/Start/Work-live/Reading/No-clear-winner-in-Swedish-cliffhanger-election/> [23.10.2010]